

Как долго длится миллион лет?

Для обычных существ — срок, которого не достигнет история целого народа. Для планеты — быть может, короткая жизнь. Для Юаня — лишь чуть более затяжное мгновение.

Война богов длилась миллион лет. Всё живое, что существовало во вселенной, было сметено этой катастрофой — в том числе и сами прежние боги.

И Древние, и Внешние боги вышли из этой войны истощёнными до предела, так что ни у кого из них уже не осталось ни сил, ни желания следить за тем, что делает Юань.

Юань от природы не умел сидеть без дела. Как в своё время он — даже не имея никакого повода — мог ни с того ни с сего взяться за управление планетами или подобрать Лошивида, лишь бы чем-то занять себя. Поэтому после недолгой скуки он принял решение, изменившее всё.

Он захотел построить собственный мир.

С гибелью богов некогда переполненное пространство снова опустело. Его сил было вполне достаточно, чтобы отгородить обширный участок и переустроить его по своему усмотрению.

Юань был человеком действия — в полном смысле этого слова. В следующий миг после того, как мысль оформилась, он уже приступил к разделению территорий.

Прежде всего он выделил Лошивиду кусок тьмы — колыбель, в которой тот мог бы спокойно расти.

Деградивавший Лошивид был лишён какого-либо сознания. Чтобы он в своём поглощении случайно снова не причинил вреда ни в чём не повинным существам, Юань погрузил его в сон и стал питать собственной силой.

Маленький бесформенный чёрный шарик свернулся в колыбели из тьмы. Отыскать Лошивида теперь не смог бы ни один бог — никто, кроме него.

Но Юань, поразмыслив, всё равно не успокоился. На всякий случай он расставил вокруг тьмы несколько диковинных чудовищ — в качестве стражи.

Расставив стражу, он и тогда не почувствовал, что достаточно, — и в конце концов просто переназначил охранников в подчинённых, велел им исполнять все приказы Лошивида.

«Он такой слабый. И так легко выбирает смерть — надо хорошенько его беречь».

Так Юань думал.

Разобравшись с Лошивидом, он с головой ушёл в обустройство своей вселенной.

Он заселил её множеством обитаемых планет и с искренним любопытством наблюдал, как тамошние существа эволюционируют — медленно, по крупице, — как одни цивилизации гибнут, а другие вырастают из пепла. Прежде это было его любимым занятием.

Но теперь что-то изменилось. Он всё чаще ловил себя на том, что без всякой причины приходит к месту, где дремал Лошивид, молча смотрит на недвижимую тьму — и вспоминает последний поцелуй красивого мальчика.

Тот научился копировать человеческий облик, но не научился поддерживать его свойства — у него не было ни тепла, ни сердцебиения. Поцелуй тоже оказался ледяным: лёг на лицо Юаня и мгновенно растаял, как снежинка.

Выстроить собственную «вселенную» внутри вселенной было задачей не из лёгких. На это ушли почти все его силы. Порой он погружался в непривычный для себя сон, а пробуждаясь — испытывал странное, давно забытое ощущение пустоты.

Он не понимал, зачем сделал всё это.

Наверное, от безделья?

Так он сам себе объяснял.

Питаемый его силой, Лошивид рос быстро. В конце концов у Юаня не хватило духу держать его в спячке вечно, и меньше чем через десять тысяч лет он пробудил его — пусть и без каких-либо воспоминаний о прошлом.

Дальше следовало то, что Ло увидел в воспоминаниях Трона.

В то время Лошивид даже открыть глаза не мог. Весь его мир состоял из тьмы. Ло невозмутимо наблюдал, как тот долго спотыкался и бестолково метался в темноте, пока в итоге не остановился на месте и не разревелся от беспомощности.

Злой бог Лошивид споткнулся на ровном месте — и заплакал.

—... Позор какой.

Смотреть на этот рыдающий внизу нелепый шарик было решительно невозможно.

Юань, изначально решивший не вмешиваться в развитие Лошивида, не выдержал. Сделал несколько шагов вперёд, подхватил крошечный чёрный шарик и тихо сказал:

* «Не плачь. Куда ты хочешь — я отведу тебя».*

Лошивид всхлипнул:

* «Ты кто?»*

Юань опустил взгляд — будто заранее отрепетировал этот ответ:

* «Я — Юань. Тебя зовут Ло. Другие называют тебя Лошивидом».*

Словно всё вернулось к самому началу. Лошивид снова ходил следом за Юанем, как привязанный, — тараторил без умолку, засыпал вопросами. Только теперь, лишённый зрения, он был куда более неуверен в себе и плакал ещё чаще, чем прежде.

Юань начал учить его принимать человеческий облик. Лошивид старательно повторял — и, не имея никаких воспоминаний о прошлом, каким-то образом обернулся тем же самым красивым мальчиком, что был раньше.

Те же длинные чёрные волосы. Те же тонкие черты лица. Единственное, чего не хватало: глаза были всегда закрыты — он так и не научился видеть мир вокруг.

Долгая слепота сделала Лошивида несколько взрывным. Стоило ему не найти Юаня рядом — и он тут же принимался бродить в темноте, набивал себе синяки и ссадины, а потом со слезами на глазах ждал, когда тот вернётся и займётся его ранами.

В очередной раз глядя на разбитые колени Лошивида, Юань вздохнул:

* «Ло, давай я сделаю тебе кресло. Хорошо?»*

* «Когда будешь звать меня и я не приду сразу — кресло само придёт к тебе. Садись в него и жди, не бегай куда попало, а то снова ушибёшься».*

Лошивид крепко ухватился за его пальцы — единственное, за что можно было держаться в этой темноте.

И спросил:

* «Достаточно просто позвать тебя по имени?»*

* «Да. Просто позови меня».*

Идея выглядела разумно — но на практике всё оказалось совсем не так, как задумывалось.

Во-первых, когда Лошивид оставался один во тьме, он был совершенно не способен смирно сидеть в кресле. Он неизменно слезал с него на полпути, всхлипывал и на ощупь отправлялся искать Юаня сам.

Тогда Юань подарил ему маленького вороненка-посыльника и научил, как создавать живых существ в этом мире — чтобы тот мог занять себя во тьме и не мучился от собственных мыслей.

В конце концов, это был его мир. Без внешних ограничений. Лошивид мог делать в нём всё что угодно.

И постепенно маленькая вселенная заполнилась причудливыми, несуразными чужеродными тварями, слепленными неловкими руками.

Лошивид очень любил командовать своими созданиями. А с вороненком-посыльником это занятие превратилось в настоящую игру — азартную и бесконечную.

Красивый юноша восседал на троне, держа на кончике пальца чёрного ворона. Рубиновые глаза птицы горели как кровавые самоцветы. Юноша едва заметно улыбался — и одной этой улыбкой повелевал бесчисленными уродливыми чудовищами, отправляя их в походы.

Прирождённый владыка.

Даже Юань, глядя на эту картину, невольно на мгновение замер.

Лошивид был, в сущности, очень умён — иначе и быть не могло у того, кто из крошечного ничтожного существа вырос до злого бога. Просто на своём пути он встретил Юаня — и от этого сделался немного более ребячливым, а в конце концов ради него выбрал «смерть».

Если бы не Юань — Лошивид, выросший в одиночестве, наверное, был бы именно таким.

Небрежный смех — и с ним власть над тысячами. Как те Внешние боги: ветреный, своевольный, беспечно-разрушительный нрав, сеющий хаос и беды по всей вселенной.

Но теперь самые первые из Внешних богов были заперты в маленьком мире, и самой грандиозной игрой здесь оставалось — лепить глиняные фигурки и стравливать их между

собой.

Дни в этом крошечном мирке текли неспешно.

Лошивид так и не прозрел, но постепенно освоил основные правила приличий и научился терпеливо ждать Юаня.

Юань играл с ним в войну глиняных человечков, рассказывал истории о самых разных планетах.

Рассказывал о зергах — о том, как те миллиарды лет назад пришли к вырождению из-за нарушенного соотношения полов. Рассказывал о мире Часовых — об ещё одной форме, которую принимает человечество.

Лошивид так и не нашёл в этой вселенной ни одной из планет, о которых говорил Юань, — но никогда не сомневался в правдивости его историй. Просто думал: это потому, что он слеп и не может уйти далеко.

Потом Юань рассказал ему о самых первых людях.

Говорил о прекрасных бабочках, о том, как менялось человечество. Вспомнил несчастного короля, которого Лошивид едва не убил.

* «Тот король был человеком заурядным, но по чистоте крови равных ему не было — потому его и возвели на трон».*

* «У каждой планеты есть свои законы. Придёт время — и она погибнет согласно им. Нравится тебе этот король или нет — нельзя вмешиваться в ход истории по своей прихоти».*

Лошивид, однако, отнёсся к этому куда спокойнее, чем можно было ожидать:

* «Мне кажется, всё правильно. Все хотят, чтобы он был королём — пусть будет. Я тоже, между прочим, король чужеродных тварей. — Он чуть оживился. — Расскажи лучше ещё про бабочек!»*

Совсем другой ответ, чем был бы у прежнего Лошивида.

И только тогда Юань по-настоящему осознал: этот Лошивид — не тот, что был раньше.

Прежний рос в одиночестве. В нём не было злого умысла — но в его поступках то и дело проскальзывала природная крайность. Взять хотя бы его отношение к людям: он всё время

норовил тайком пробраться на Землю, подтолкнуть войну к развязке, чтобы пожить. Цель была проста — поесть. Но средства, которые он для этого выбирал, раз за разом ставили в тупик.

Теперьшний Лошивид был другим. С первого же мига, как только в нём затеплилось сознание, Юань подхватил его на руки. Он рос слепым — но рос в любви.

Он любил слушать истории. Знал, что такое приличия. А самым большим его честолюбием было — стать королём своих глиняных человечков.

* «Бабочку — бабочку —»*

Юань запнулся. Не нашёлся с продолжением.

Внутри что-то сжалось — тихая грусть по прежнему Лошивиду.

Тот родился из хаоса, рос, едва понимая мир вокруг, и исчез — легко, прежде чем успел осознать его до конца. Как короткая лёгкая комедия: промелькнула — и осталась только растерянность.

Из-под пальца Юаня выпорхнула бабочка, мерцающая синими огнями, и мягко опустилась на голову красивого юноши.

Лошивид не видел её. Не почувствовал. Но бабочка всё кружила и кружила вокруг него — не желая улетать.

Юань едва коснулся воздуха кончиком пальца — и бабочка рассыпалась, растворилась в этом мире светящейся пылью.

Прежнего Лошивида больше не было.

Лошивид не умирает. Но он утратил всё. И даже если вырастет снова — это будет уже совсем другое существо.

Нынешний был по-своему приятен, даже мил — Юань не мог этого отрицать. И всё же сердце сжималось по тому, прежнему.

По маленькому чёрному шарiku, который без умолку тараторил и вился вокруг. По красивому мальчику, который неловко обернулся человеком и не догадался надеть одежду...

После одного поцелуя — и больше никогда.

Во всей этой огромной вселенной не было и не будет больше ни одного существа, похожего на него.

* «Бабочки — очень красивые создания. Они вырастают из гусениц. Есть такая бабочка — хамидес бохус, у неё крылья цвета сапфира...»*

Юань почувствовал необъяснимую стеснённость в груди — тёмную, тихую. Он молча опустил руку, провёл ладонью по голове Лошивида, внимательно его слушавшего, — и с усилием проглотил слова, едва не сорвавшиеся с языка.

Он чуть было не спросил его — есть ли у него хоть что-нибудь, хоть малейший отблеск памяти о прошлом.

Юань никогда прежде не видел бога, который рассеял собственную силу — и всё же возродился вновь. Лошивид был первым.

Но даже для богов — разве существует возрождение, способное пережить омовение памяти в круговороте перерождений?

<http://bllate.org/book/18297/1755979>